

Михаил ЗАГОСКИН

РОСЛАВЛЕВ, ИЛИ РУССКИЕ В 1812 ГОДУ

Михаил Загоскин

Рославлев, или Русские в 1812 году

«ВЕЧЕ»

1831

Загоскин М. Н.

Рославлев, или Русские в 1812 году / М. Н. Загоскин — «ВЕЧЕ»,
1831

ISBN 978-5-4444-0456-0

Долго ходила в небесах невиданная звезда, горели города, леса, и во многих местах земля выгорала. Не к добру это все, не к добру... «Быть великой войне!» Так говаривали старые люди за год до грозной цифры 1812. Но жизнь в России шла своим чередом: богатые веселились, бедные работали, по Неве гремели народные русские песни, в театрах «пели французские водевиля», парижские модистки продолжали обирать русских барынь. Словом, все шло по-прежнему, пока не грянул гром. До появления «Войны и мира» роман о судьбе гордого русского офицера Владимира Рославлева являлся самой популярной книгой о войне 1812 года. Его автор, замечательный русский писатель Михаил Загоскин, был очевидцем наполеоновского нашествия на Москву, в сражении под Полоцком был ранен, за героическое участие в боевых действиях награжден орденом Святой Анны IV степени.

ISBN 978-5-4444-0456-0

© Загоскин М. Н., 1831

© ВЕЧЕ, 1831

Содержание

Об авторе	6
От автора	7
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Загоскин

Рославлев, или Русские в 1812 году

Печатается по изданию: М. Н. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 году» – Москва:
изд. И. Морозов, 1902.

© ООО «Издательство «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Русский писатель и драматург Михаил Николаевич Загоскин родился 14 (25) июля 1789 года в селе Рамзай Пензенской губернии (совр. Мокшанский р-н Пензенской обл.). Детство будущего писателя прошло в дворянской усадьбе. Он уже в одиннадцать лет обнаружил влечение к литературному творчеству, но его первые произведения не дошли до нас. В 1802 году Михаил отправляется в Петербург, где попеременно служит в канцелярии государственного казначея, в Сенате, Государственном ассигнационном банке, департаменте горных и соляных дел. В августе 1812 года юноша вступает в Петербургское ополчение и принимает участие в Отечественной войне. Загоскин был ранен под Полоцком и награжден за участие в боевых действиях орденом Святой Анны IV степени. После войны вернулся в свое родовое имение. Подлечившись, отправился в Петербург, где снова служил в упомянутом департаменте, потом – в Императорской публичной библиотеке и дирекции петербургских театров.

В 1815 году состоялся его литературный дебют: на столичной сцене были поставлены комедии «Проказник» и «Комедия против комедии, или Урок волокитам». В дальнейшем получили популярность у столичных театралов его комедии «Богатонов, или Провинциал в столице» (1817), «Деревенский философ» (1823) и др. С 1817 года модный драматург берется за издание журнала «Северный Наблюдатель». В 1820 году Михаил Николаевич переезжает в Москву, где получает место в управлении московских театров.

В 1829 году выходит из печати самое известное произведение Загоскина – роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Эта книга пользовалась огромным успехом среди читающей публики и была высоко оценена отечественной критикой, в том числе и А. С. Пушкиным. В романе чувствуется влияние В. Скотта, особенно при изображении национального колорита, русского быта и нравов старины. Однако «Юрия Милославского» вряд ли следует считать настоящим историческим романом, прежде всего – из-за одностороннего изображения известных исторических деятелей и показа идеализированных отношений простонародья с боярами. В. Г. Белинский считал это сочинение только первым шагом на пути создания русского исторического романа. К сожалению, М. Загоскин не пошел по этому пути. Много споров и противоречивых мнений вызвал его следующий роман, «Рославлев, или Русские в 1812 году». А. С. Пушкин даже начал писать своеобразный «антироман»: своего «Рославлева». Еще не стихла художественная полемика по «Рославлеву», как вышел новый роман Загоскина «Аскольдова могила» (1833), сохранившийся в памяти потомков разве что из-за одноименной оперы А. Н. Верстовского (1835) на сюжет романа.

В 1833 году М. Н. Загоскина избирают действительным членом Российской академии, а в 1837 году назначают директором московских императорских театров. В 1842 году писатель занимает почетный пост директора Оружейной палаты в Кремле. Одновременно продолжает работать в жанре исторического романа, но поздние произведения писателя были далеки по своим художественным достоинствам от «Юрия Милославского» и не вызвали большого читательского интереса. М. Загоскин успел еще выпустить сборник бытовых очерков «Москва и москвичи» (1842–1850), дающий яркую картину жизни московского общества в середине XIX века. Умер писатель в Москве 23 июня (5 июля) 1852 года. В истории отечественной литературы Михаил Загоскин остался прежде всего автором очень успешного «Юрия Милославского» и спорного «Рославлева», который тем не менее был самым популярным романом о войне 1812 года до появления «Войны и мира». Исторические произведения Михаила Николаевича Загоскина и в наши дни вызывают большой интерес у читателей.

От автора

Печатаю мой второй исторический роман, я считаю долгом принести чувствительнейшую благодарность моим соотечественникам за лестный прием, сделанный ими «Юрию Милославскому». Предполагая сочинить эти два романа, я имел в виду описать русских в две достопамятные исторические эпохи, сходные меж собою, но разделенные двумя столетиями; я желал доказать, что хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне. Не знаю, достиг ли я этой цели, но, во всяком случае, полагаю необходимым просить моих читателей о нижеследующем:

1. Не досадовать на меня, что я в этом современном романе не упоминаю о всех достопамятных случаях, ознаменовавших незабвенный для русских 1812 год.

2. Не забывать, что исторический роман – не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии.

3. Не требовать от меня отчета, почему я описываю именно то, а не то происшествие; или для чего, упоминая об одном историческом лице, я не говорю ни слова о другом. И наконец:

4. Предоставляя полное право читателям обвинять меня, если мои русские не походят на современных с нами русских 1812 года, я прошу, однако же, не гневаться на меня за то, что они все добры, умны и любезны, или наоборот: не смеяться над моим патриотизмом, если между моих русских найдется много умных, любезных и даже истинно просвещенных людей.

Тем, которые в русском молчаливом офицере узнают историческое лицо тогдашнего времени, – я признаюсь заранее в небольшом анахронизме: этот офицер действительно был, под именем флорентийского купца, в Данциге, но не в конце осады, а при начале оной.

Интрига моего романа основана на истинном происшествии – теперь оно забыто; но я помню еще время, когда оно было предметом общих разговоров и когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной, которую я назвал Полиною в моем романе.

Часть первая

Глава I

Природа в полном цвете; зеленеющие поля обещают богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас пред сильною летнею грозою, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает!.. Недаром, говорят простолюдины, недаром прошлого года так долго ходила в небесах *невиданная звезда*; недаром горели города, села, леса и во многих местах земля выгорала. Не к добру это все! Быть великой войне!»

Так говорит красноречивый сочинитель «*Писем русского офицера*», приступая к описанию Отечественной войны 1812 года. Привыкший считать себя *видимой* судьбою народов, представителем всех сил, всего могущества Европы, император французов должен был ненавидеть Россию. Казалось, она одна еще, не отделенная ни морем, ни безлюдными пустынями от земель, ему подвластных, не трепетала его имени. Сильный любовью подданных, твердый в вере своих державных предков, царь русской отвергал все честолюбивые предложения Наполеона; переговоры длились, и ничто, по-видимому, не нарушало еще общего спокойствия и тишины. Одни, не сомневаясь в могуществе России, смотрели на эту отдаленную грозу с равнодушием людей, уверенных, что буря промчится мимо. Другие – и, к сожалению, также русские, – трепеща пред сей воплощенной судьбою народов, желали мира, не думая о губительных его последствиях. Кипящие мужеством юноши ожидали с нетерпением войны. Старики показывали сомнительно головами и шепотом поговаривали о бессмертном Суворове. Но будущее скрывалось для всех под каким-то таинственным покровом. Народ не толпился еще вокруг храмов Господних: еще не раздавались вопли несчастных вдов и сирот и, несмотря на турецкую войну, которая кипела в Молдавии, ничто не изменилось в шумной столице севера. Как всегда, богатые веселились, бедные работали, по Неве гремели народные русские песни, в театрах пели французские водевили, парижские модистки продолжали обирать русских барынь; словом, все шло по-прежнему. На западе России собирались грозные тучи; но гром еще молчал.

В один прекрасный летний день, в конце мая 1812 года, часу в третьем пополудни, длинный бульвар Невского проспекта, начиная от Полицейского моста до самой Фонтанки, был усыпан народом. Как яркой цветник, пестрелись толпы прекрасных женщин, одетых по последней парижской моде. Зашитые в галуны лакеи, неся за ними их зонтики и турецкие шали, посматривали спесиво на проходящих простолюдинов, которые, пробираясь бочком по краям бульвара, смиренно уступали им дорогу. В промежутках этих разноцветных групп мелькали от времени до времени беленькие щеголеватые платьица русских швей, образовавших свой вкус во французских магазинах, и тафтяные капотцы красавиц среднего состояния, которые, пообедав у себя дома на Петербургской стороне или в Измайловском полку, пришли погулять по Невскому бульвару и полюбоваться большим светом. Молодые и старые щеголи, в уродливых шляпах *a la cendrillon*¹, с сучковатыми палками, обгоняли толпы гуляющих дам, заглядывали им в лицо, любезничали и отпускали поминутно ловкие фразы на французском языке; но лучшее украшение гуляний петербургских, блестящая гвардия царя русского была в походе, и только кой-где среди круглых шляп мелькали белые и черные султаны гвардейских офице-

¹ В стиле Золушки (*фр.*).

ров; но лица их были пасмурны: они завидовали участи своих товарищей и тосковали о полках своих, которые, может быть, готовились уже драться и умереть за отечество.

В одной из боковых аллей Невского бульвара сидел на лавочке молодой человек лет двадцати пяти; он чертил задумчиво своей палочкой по песку, не обращал никакого внимания на гуляющих и не подымал головы даже и тогда, когда проходили мимо его первостепенные красавицы петербургские, влеча за собою взоры и сердца ветреной молодежи и вынуждая невольные восклицания пожилых обожателей прекрасного пола. Но зато почти ни одна дама не проходила мимо без того, чтоб явно или украдкой не бросить любопытного взгляда на этого задумчивого молодого человека. Благородная наружность, черные как смоль волосы, длинные, опущенные книзу ресницы, унылый, задумчивый вид – все придавало какую-то неизъяснимую прелесть его смуглому, но прекрасному и выразительному лицу. Известный роман «Матильда, или Крестовые походы»² сводил тогда с ума всех русских дам. Они бредили Малек-Аделем, искали его везде и, находя что-то сходное с своим идеалом в лице задумчивого незнакомца, глядели на него с приметным участием. По его узкому, туго застегнутому фраку, черному галстуку и небольшим усам нетрудно было догадаться, что он служил в кавалерии, недавно скинул эполеты и не совсем еще отстал от некоторых военных привычек.

– Здравствуй, Рославлев! – сказал, подойдя к нему, видной молодой человек в однобортном гороховом сюртуке, с румяным лицом и голубыми, исполненными веселости глазами. – Что ты так задумался?

– А, это ты, Александр! – отвечал задумчивый незнакомец, протянув к нему ласково свою руку.

– Слава богу, что я встретил тебя на бульваре, – продолжал молодой человек. – Пойдем ходить вместе.

– Нет, Зарецкой, не хочу. Я прошел раза два, и мне так надоела эта пестрота, эта куча незнакомых лиц, эти беспрерывные французские фразы, эти...

– Ну, ну!.. Захандрил! Полно, братец, пойдем!.. Вон, кажется, опять она... Точно так!.. Видишь ли вот этот лиловый капотец?.. Ах, mon cher³, как хороша!.. Прелесть!.. Что за глаза!.. Какая-то приезжая из Москвы... А ножка, ножка!.. Да пойдем скорее.

– Повеса! Когда ты остепенишься?.. Подумай, ведь тебе скоро тридцать.

– Так что ж, сударь?.. Не прикажете ли мне, потому что я несколькими годами вас старше, не смею любоваться ничем прекрасным?

– Да ты только что любишься; а тебе бы пора перестать любоваться всеми женщинами, а полюбить одну.

– И смотреть таким же сентябрем, как ты? Нет, душенька, спасибо!.. У меня вовсе нет охоты сидеть повесив нос, когда я чувствую, что могу еще быть веселым и счастливым...

– Но кто тебе сказал, что я несчастлив? – перервал с улыбкою Рославлев.

– Кто?.. Да на что ты походишь с тех пор, как съездил в деревню, влюбился, помолвил и собрался жениться? И, братец! Черт ли в этом счастья, которое сделало тебя из веселого малого каким-то сентиментальным меланхоликом.

– Так ты находишь, что я в самом деле переменялся?

– Удивительно!.. Помнишь ли, как мы воспитывались с тобою в Московском университетском пансионе?..

– Как не помнить? Ты почти всегда был последним в классах.

– А ты первым в шалостях. Никогда не забуду, как однажды ты вздумал передразнить одного из наших учителей, вскарабкался на кафедру и начал: «Мы говорили до сего о вави-

² «Матильда, или Записки, взятые из истории Крестовых походов» – роман французской писательницы Коттен (Софи Ристо) (1773–1807), изданный в 1805 г. Герой романа Малек-Адель – молодой предводитель мусульманских войск.

³ Мой дорогой (фр.).

лонском столпотворении, государи мои; теперь, с позволения сказать, обратимся к основанию Ассирийской империи».

– Ах, мой друг! – перервал Рославлев. – Тогда нас все забавляло!

– Да меня и теперь забавляет, – продолжал Зарецкой. – Вольно ж тебе видеть все под каким-то черным крепом.

– Ты, верно, бы этого не сказал, Александр, если б увидел меня вместе с моею Полиною. А впрочем, нет, что толку! Ты и тогда не понял бы моего счастья, – чувство, которое делает меня блаженнейшим человеком в мире, быть может, показалось бы тебе смешным. Да, мой друг! Не прогневайся! Оно недоступно для людей с твоим характером.

– Покорно благодарю!.. То есть: я не способен любить, я человек бездушный... Не правда ли?.. Но дело не в том. Ты тоскуешь о своей Полине. Кто ж тебе мешает лететь в ее страстные объятия?.. Уж выпускают ли тебя из Петербурга? Не задолжал ли ты, степенный человек?.. Меня этак однажды продержали недельки две лишних в Москве... Послушай! Если тебе надобно тысячи две, три...

– Нет, мой друг! Мне деньги не нужны.

– Так о чем же ты грустишь?

– Но разве ты полагаешь, что влюбленный человек не думает ни о чем другом, кроме любви своей? Нет, Зарецкой! Прежде чем я влюбился, я был уже русским...

– Так что ж?

– Как, мой друг? А буря, которая собирается над нашим отечеством!

– И, милой! Это дождевая туча: проглянет солнышко – и ее как не бывало.

– Чтобы угодить будущей моей теще, я вышел в отставку; а может быть, скоро вспыхнет ужасная война, может быть, вся Европа...

– Пожалует к нам в гости? Пустое, *mon cher*! Поговорят, поговорят между собою, пострадают друг друга, да тем и дело кончится.

– Ты думаешь?

– Россия не Италия, мой друг! И далеко и холодно; да и народ-то постоит за себя. Не беспокойся, Наполеон умен; поверь, он знает, что мы народ непросвещенный, северные варвары, и терпеть не можем незваных гостей. А признаюсь, мне почти досадно, что дело обойдется без ссоры. *L'homme du Destin*⁴ и его *великая нация* так зазнались, что способа нет. Вот, посмотри! Видишь ли этих двух господчиков? Это лавочники из одного французского магазина. Посмотри, как важно они поглядывают на всех с высоты своего величия... Тьфу, черт возьми! Ни дать ни взять французские маршалы!.. А! Вот опять лиловый капотец... Послушай: если ты не хочешь гулять, так я... Ах, боже мой! Она сходит с бульвара... села в карету... Эх, *mon cher*! Как досадно, что я с тобой заболтался... Ну, делать нечего... Да, кстати!.. Где ты сегодня обедаешь?

– Я хотел ехать к Радугиной.

– И полно, не езд; пообедай со мною.

– Нельзя; мне надобно с ней проститься.

– А когда ты едешь отсюда?

– Завтра непременно.

– Ну, вот изволишь видеть! Когда мы с тобой увидимся? Пожалуйста, *mon cher*, обедаем вместе. Ты можешь ехать к Радугиной вечером.

– Ах, Александр! Если б ты знал, как мне неприятно бывать по вечерам у Радугиной! Вечером, почти всякий раз, я встречаю у нее кого-нибудь из чиновников французского посольства, а это для меня нож вострый! Уж это не лавочники из французского магазина; послушал бы ты, как они поговаривают о России!.. Несколько раз я ошибался и думал, что дело идет не об

⁴ Избранник судьбы (*фр.*).

отечестве нашем, а о какой-нибудь французской провинции. Ну, согласишься ли? Вот так кровь И кипит в жилах – терпенья нет! А хозяйка... Боже мой!.. Только что не крестится при имени Наполеона. Клянусь честью, если б не родственные связи, то нога бы моя не была в ее доме.

– И ты сердишься? Да от этого надобно умереть со смеху. Вот то-то и беда, ты не умеешь ничем забавляться. Если б я был на твоём месте, то подсел бы к какому-нибудь советнику посольства, стал бы ему подличать и преуниженно попросил бы наконец поместить меня при первой вакансии супрефектом в Тобольск или Иркутск. Он бы стал ломаться, и я сделал бы из него настоящего Жокриса!.. А, кстати!.. Вчера Талон⁵ был как ангел в этой роле... Ты видел когда-нибудь французский водевиль «Отчаянье Жокриса»?⁶

– Нет! Я езжу только в русский театр.

– Да бишь виноват! Ты любишь чувствительные драмы. Ну, что ж? Обедаем ли мы вместе?

– Если ты непременно хочешь...

– Послушай, мой милый, я не приглашаю тебя к себе: ты знаешь, у меня нет и повара. Мы отобедаем в ресторации.

– У Жискара?

– И нет, *mon cher*! Надобно разнообразить свои удовольствия. У Жискара и Тардифа мы увидим всё знакомые лица. Одно да одно – это скучно. Знаешь ли что? Обедаем сегодня у Френзеля?

– По мне все равно, где хочешь. А что это за Френзель?

– Это ресторация, в которой платят за обед по рублю с человека. Там увидим мы презабавные физиономии: прегордых писцов из министерских департаментов, глубокомысленных политиков в изорванных сюртуках, художников без работы, учителей без мест, а иногда и журналистов без подписчиков. Что за разговоры мы услышим! Все обедают за общим столом; должность официантов отправляют две толстые служанки и, когда гости откушают суп, у всех, без исключения, отбирают серебряные ложки. Умора, да и только!

– Что же тут смешного? Это обидно.

– И полно, *mon cher*! Представь себе, что и у нас так же отберут ложки – для того, чтоб мы ошибкою не положили их в карман. Разве это не забавно? Ну право, я иногда очень люблю эту милую простоту. Однажды в Москве мне вздумалось, из шалости, пообедать с Ленским в одном русском трактире, и когда я спросил, что возьмут с нас двоих за обед, то трактирщик отвечал мне преважно: «По тридцати копеек с рыла!» *С рыла!!* Мы оба с Ленским чуть не умерли со смеху. Пойдем к Френзелю, мой милый. Не вечно же быть в хорошем обществе; надобно иногда потолкаться и в народе.

– Что с тобою делать, повеса! – сказал Рославлев, вставая с скамьи. – Пойдем в твою рублевую ресторацию.

⁵ Комический актер тогдашней французской труппы в С.-Петербурге. – *Примеч. автора.*

⁶ Водевиль французского драматурга Л.-А. Дорвиньи (1734–1812). Жокрис – тип простака в старинных французских фарсах.

Глава II

Не доходя до Казанского моста, Зарецкой сошел с бульвара и, пройдя несколько шагов вдоль левой стороны улицы, повел за собою Рославлева, по крутой лестнице, во второй этаж довольно опрятного дома. В передней сидел за дубовым прилавком толстый немец. Они отдали ему свои шляпы.

– Видишь ли, – сказал Зарецкой, входя с приятелем своим в первую комнату, – как здесь все обдуманно? Ну как уйдешь, не заплатя за обед? Ведь шляпа-то стоит дороже рубля.

В первой комнате человек пожилых лет, в синем поношенном фраке, разговаривал с двумя молодыми людьми, которые слушали его с большим вниманием.

– Да, милостивые государи! – говорил важным голосом синий фрак. – Поверьте мне, старику; я делал по сему предмету различные опыты и долгом считаю сообщить вам, что принятой способ натирать по скобленому месту сандарак⁷ – есть самый удобнейший: никогда не расплывется. Я сегодня в настольном регистре целую строку выскоблил, и смею вас уверить, что самой зоркой столоначальник не заметит никак этой поскобки. Все другие способы, как-то: насаленная бумажка, натирание сукном, лощение ногтем и прочие мелкие средства, никуда не годятся.

– Это канцелярские чиновники! – сказал Зарецкой. – Их разговоры вообще очень поучительны, но совсем не забавны. Пойдем в залу; там что-то громко разговаривают.

В зале, во всю длину которой был накрыт узкой стол, человек двадцать, разделясь на разные группы, разговаривали между собою. В одном углу с полдюжины студентов Педагогического института толковали о последней лекции профессора словесных наук; в другом – учитель-француз рассуждал с дядькою-немцем о трудностях их звания; у окна стоял, оборотясь ко всем спиною, офицер в мундирном сюртуке с черным воротником. С первого взгляда можно было подумать, что он смотрел на гуляющих по бульвару; но стоило только заглянуть ему в лицо, чтобы увериться в противном. Глаза его, устремленные на противоположную сторону улицы, выражали глубокую задумчивость; он постукивал машинально по стеклам пальцами, выбивал тревогу, сбор, разные марши и как будто бы не видел и не слышал ничего. Этот молчаливый офицер был среднего роста, белокур, круглолиц и вообще приятной наружности; но что-то дикое, бесчувственное и даже нечеловеческое изображалось в серых глазах его. Казалось, ни радость, ни горе не могли одушевить этот неподвижный, равнодушный взор; и только изредка улыбка, выражающая какое-то холодное презрение, появлялась на устах его.

В двух шагах от него краснощекой с багровым носом толстяк разговаривал с худощавым стариком. Зарецкой и Рославлев сели подле них.

– Нет, почтеннейший! – говорил старик, покачивая головою. – Воля ваша, я не согласен с вами. Ну рассудите милостиво: здесь берут по рублю с персоны и подают только по четыре блюда; а в ресторации «Мыс Доброй Надежды»...

– Так, батюшка! – перервал толстый господин. – Что правда, то правда! Там подают пять блюд, а берут только по семидесяти пяти копеек с человека. Так-с! Но позвольте доложить: блюда блюдам розь. Конечно, пять блюд – больше четырех; да не в счете дело: блюдца-то, сударь, там больно незатейливые.

– Кто и говорит, батюшка! Конечно, стол не ахти мне; но не погневайтесь: я и в здешнем обеде большого деликатеса не вижу. Нет, воля ваша! Френзель зазнался. Разве не замечаете, что у него с каждым днем становится меньше посетителей? Вот, например, Степан Кондратьевич: я уж его недели две не вижу.

⁷ Сандарак – смола, применяемая для изготовления лаков.

– В самом деле, – подхватил толстяк, – он давно здесь не обедал. А знаете ли, что без него скучно? Что за краснобай!.. Как начнет рассказывать, так есть что послушать: гусли, да и только! А новостей-то всегда принесет, новостей – господи боже мой!.. Ну что твои газеты... Э! Да как легок на помине!.. Вот и он! Здравствуйте, батюшка Степан Кондратьевич! – продолжал толстой господин, обращаясь к входящему человеку средних лет, в кофейном фраке и зеленых очках, который выступал, прихрамывая и опираясь на лакированную трость с костяным набалдашником.

Появление этого нового гостя, казалось, произвело на многих сильное впечатление, которое удвоилось при первом взгляде на его таинственную и нахмуренную физиономию. Поклонясь с рассеянным видом на все четыре стороны, он сел молча на стул, нахмурился еще более, наморщил лоб и, посвистывая себе под нос, начал преважно протирать свои зеленые очки. В одну минуту прекратились почти все отдельные разговоры. Учитель-француз, дядька-немец, студенты и большая часть других гостей столпились вокруг Степана Кондратьевича, который, устремив глаза в потолок, продолжал протирать очки и посвистывать весьма значительным образом. Один только молчаливой офицер, казалось, не заметил этого общего движения и продолжал по-прежнему смотреть в окно.

– Ну что, почтеннейший! – сказал толстый господин. – Что скажете нам новенького?

– Что новенького?.. – повторил Степан Кондратьевич, надевая свои очки. – Гм, гм!.. Что новенького?.. И старенького довольно, государь мой!

– Так-с!.. Да старое-то мы знаем; не слышно ли чего-нибудь поновее?

– Поновее?.. Гм, гм! Мало ли что болтают, всего не переслушаешь; да и не наше дело, батюшка!.. Вот, извольте видеть, рассказывают, будто бы турки... куда бойко стали драться.

– Право!

– Говорят так, а впрочем, не наше дело. Слух также идет, что будто б нас... то есть их, побили под Бухарестом. Тысяч тридцать наших легло.

– Как? – вскричал Рославлев. – Большая часть молдавской армии?

– Видно, что так. Ведь нашего войска и сорока тысяч там не было.

– Извините! Молдавской армии пятьдесят тысяч под ружьем.

Степан Кондратьевич взглянул с насмешливой улыбкою на Рославлева и повторил сквозь зубы:

– Под ружьем!.. Гм, гм!.. Может быть; вы, верно, лучше моего это знаете; да не о том дело. Я вам передаю то, что слышал: наших легло тридцать тысяч, а много ли осталось, об этом мне не сказывали.

– Однако мы все-таки выиграли сражение? – спросил худощавый старик.

– Разумеется. Когда ж мы проигрываем, батюшка? Мы, извольте видеть, государь мой, всегда побиваем других; а нас – боже сохрани! – нас никто не бьет!

– Тридцать тысяч! – повторил краснощекий толстяк. – Проклятые турки! А не известно ли вам, как происходило сражение?

– Да, смею доложить, – сказал важным тоном Степан Кондратьевич, – я вам могу сообщить все подробности. Позвольте: видите ли на половине этот сучок?.. Представьте себе, что это Бухарест.

– Так-с!

– Ну вот, извольте видеть, – продолжал Степан Кондратьевич, проводя по полу черту своей тростью, – вот тут стояло наше войско.

– Так-с, батюшка, то есть здесь, по левую сторону сучка?

– Именно; а на этой стороне расположен был турецкой лагерь. Вот, сударь, в сумерки или перед рассветом – не могу вам сказать наверное – только втихомолку турки двинулись вперед.

– Так-с!

– Выстроили против нашего центра маскированную батарею в двести пушек.

- В двести пушек?.. Так-с, батюшка, так-с...
- Надобно вам сказать, что у них теперь артиллерия отличная: тяжелая действует скорее нашей конной, а конная не по-нашему, государь мой! Вся на верблюдах. Извольте видеть, как умно придумано?..
- Так-с, так-с!
- Ну вот, сударь, наши и думать не думают, как вдруг, батюшка, они грянут из всех пушек! Пошла потеха. И пехота, и конница, и артиллерия, и господи боже мой!.. Вот янычары заехали с флангу: алла! – да со всех четырех ног на нашу кавалерию.
- Позвольте! – перервал один из студентов. – Янычары не конное, а пехотное войско.
- Эх, сударь! То прежние янычары, а это нынешние.
- Конечно, конечно! – подхватил толстяк. – У них все по-новому. Ну, сударь! Янычары ударили на нашу кавалерию?..
- Да, батюшка; что делать? Пехота не подспела, а уж известное дело: против их конницы – наша пас...
- Так-с, так-с!
- Главнокомандующий генерал Кутузов, видя, что дело идет худо, выехал сам на коне и закричал: «Ребята, не выдавай!» Наши солдаты ободрились, в штыки, началась резня – и турок попятити назад.
- Слава богу!.. – вскричал худощавый старик.
- Пойдите, пойдите! – продолжал Степан Кондратьевич. – Этим дело не кончилось. Все наше войско двинулось вперед, конница бросилась на неприятельскую пехоту, и что ж?.. Как бы вы думали?.. Турки построились в каре!.. Слышите ли, батюшка? В каре!.. Что, сударь, когда это бывало?
- Так-с, так-с! Умны стали, проклятые!
- Вот, наши туда, сюда, и справа, и слева – нет, сударь! Турки стоят и дерутся, как на маневрах!.. Подошли наши резервы, к ним также подспел секурс⁸, и, как слышно, сражение продолжалось непрерывно четверо суток; на пятые...
- Верно, всем захотелось поесть? – перервал Зарецкой.
- Поесть? Нет, сударь, не пойдет еда на ум, когда с нашей стороны, – как я уже имел честь вам докладывать, – легло тридцать тысяч и не осталось ни одного генерала: кто без руки, кто без ноги. А главнокомандующего, – прибавил Степан Кондратьевич вполголоса, – перешибло пополам ядром, вместе с лошадью.
- Гер Езус!..⁹ – вскричал немец-дядька. – Вместе с лошадью!
- Diable! C'est un fier coup de canon!¹⁰ – примолвил учитель-француз.
- Господи боже мой! – сказал худощавый старик. – Какие потери! Легко вымолвить – все генералы! Тридцать тысяч рядовых! Да ведь это целая армия!
- Конечно, целая армия, – повторил Степан Кондратьевич. – В старину Суворов и с двадцатью тысячами бивал по сту тысяч турок. Да то был Суворов! Когда под Кагулом он разбил визиря...
- Не он, а Румянцев, – перервал Рославлев.
- И, сударь! Румянцев, Суворов – все едино: не тот, так другой; дело в том, что тогда умели бить и турок, и поляков. Конечно, мы и теперь пожаловаться не можем, – у нас есть и генералы и генерал-аншефы... гм, гм!.. Впрочем, и то сказать, нынешние турки не прежние – что грех таить! Учители-то у них хороши! – примолвил рассказчик, взглянув значительно на французского учителя, который улыбнулся и гордо поправил свой галстук.

⁸ Подмога (*фр.*)

⁹ Господи Иисусе!.. (*нем.*)

¹⁰ Черт! Вот славный пушечный выстрел! (*фр.*)

– Говорят, – продолжал Степан Кондратьевич, – что у турецкого султана вся гвардия набрана из французов, так дивиться нечему, если нас... то есть если мы теряем много людей. Слышно также, что будто бы султан не больно подается на мировую и требует от нас Одессы... Конечно, не наше дело... а жаль... город торговой... портовой... и чего нам стоила эта скороспелка Одесса! Сколько посажено в нее денег!.. Да делать нечего! Как не под силу придет барахтаться, так вспомнишь поневоле русскую пословицу: худой мир лучше доброй брани.

Тут молчаливый офицер медленно повернулся и, взглянув пристально на рассказчика, сказал:

– Под Бухарестом не было сражения; не мы, а турки просят мира. Французы служат своему императору, а не турецкому султану, и одни подлецы предпочитают постыдный мир неоходимой войне.

Все взоры обратились на незнакомого офицера. Степан Кондратьевич хотел что-то сказать, заикнулся, выронил из руки трость, нагнулся ее поднимать и сронил с носа свои зеленые очки. Студенты засмеялись, и почти в то же время одна из служанок, внеся в залу огромную миску с супом, объявила, что кушанье готово. Все сели за стол. Против Зарецкого и Рославлева, между худощавым стариком и толстым господином поместился присмиривший Степан Кондратьевич; прочие гости расселись также рядом, один подле другого, выключая офицера: он сел поодаль от других на конце стола, за которым оставалось еще много порожних мест. Проворные служанки в одну минуту разнесли тарелки с супом. Наступила глубокая тишина, и только изредка восклицания: бутылку пива!.. Кислых щей!.. Белого хлеба!.. – прерывали общее молчание.

– Душенька! – сказал Зарецкой одной из служанок. – Бутылку шампанского.

При сем необычайном требовании все головы, опущенные книзу, приподнялись; у многих ложки выпали из рук от удивления, а служанка остоленела и, перебирая одной рукой свой фартук, повторила почти с ужасом:

– Бутылку шампанского!

– Да, душенька.

– Настоящего шампанского?

– Да, душенька.

– То есть французского, сударь?

– Да, душенька.

Служанка вышла вон и через минуту, воротясь назад, сказала, что вино сейчас подадут.

– Ведь оно стоит восемь рублей, сударь! – прибавила она, поглядывая недоверчиво на Зарецкого.

– Знаю, миленькая.

Если б Зарецкой был хорошим физиономистом, то без труда бы заметил, что, выключая офицера, все гости смотрели на него с каким-то невольным почтением. Толстый господин, который только что успел прегордо и громогласно прокричать: «Бутылку сантуринского!» – вдруг притих и почти шепотом повторил свое требование. В ту минуту, как Зарецкой, дождавшись наконец шампанского, за которым хозяин бегал в ближайший погреб, наливал первый бокал, чтоб выпить за здоровье невесты своего приятеля, – вошел в залу мужчина высокого роста, с огромными черными бакенбардами, в щеголеватом однобортном сюртуке, в одной петлице которого была продета ленточка яркого пунцового цвета. Лицо его было бы довольно приятно, если б не выражало какую-то дерзкую самонадеянность, какое-то бесстыдное наянство, которые при первом взгляде возбуждали в каждом невольное негодование. Вопреки принятому в сей ресторации обычаю, он вошел в столовую, не снимая шляпы, бросил ее на окно и, не удостоивая никого взглядом, сел за стол подле Рославлева. Подозвав одну из служанок, он сказал, что не хочет ничего есть, кроме жаркого, и велел себе подать бутылку шатолафиту. По иностранному его выговору и по самой физиономии не трудно было отгадать, что он француз.

При появлении этого нового лица легкий румянец заиграл на щеках молчаливого офицера; он устремил на француза свой бесчувственный, леденелый взор, и едва заметная, но исполненная неприязни и глубокого презрения улыбка одушевила на минуту его равнодушную и неподвижную физиономию.

– Жареные рябчики! – вскричал толстый господин, провожая жадным взором служанку, которая на большом блюде начала разносить жаркое. – Ну вот, почтеннейший, – продолжал он, обращаясь к худошавому старику, – не говорил ли я вам, что блюда блюдам розь. В «Мысе Доброй Надежды» и пять блюд, но подают ли там за общим столом вот это? – примолвил он, подхватывая на вилку жареного рябчика.

– Что правда, то правда, – отвечал старик, принимаясь за свою порцию. – Там из жареной телятины шагу не выступят.

Через несколько минут обед кончился. Офицер закурил сигарку и сел опять возле окна; Степан Кондратьевич, поглядывая на него исподлобья, вышел в другую комнату; студенты остались в столовой; а Зарецкой, предложив бокал шампанского французу, который, в свою очередь, потчевал его лафитом, завел с ним разговор о политике.

– Я слышал, – сказал Зарецкой, – что ваши дела не так-то хорошо идут в Испании?

Француз улыбнулся.

– Не потому ли вы это думаете, – отвечал он, – что Веллингтону¹¹ удалось взять обманом Бадаиос? Не беспокойтесь, он дорого за это заплатит.

– Однако ж, верно, не дороже того, что заплатили французы, когда брали Сарагосу, – возразил Рославлев.

– Я советую вам спросить об этом у сарагосских жителей, – отвечал француз, бросив гордый взгляд на Рославлева. – Впрочем, – продолжал он, – я не знаю, почему называют войною простую экзекуцию, посланную в Испанию для усмирения бунтовщиков, которых, к стыду всех просвещенных народов, английское правительство поддерживает единственно из своих торговых видов?

– Бунтовщиков! – сказал Рославлев. – Но мне кажется, что законный их государь...

– Иосиф, брат императора французов, – по крайней мере до тех пор, пока Испания не названа еще французской провинцией.

– Я не думаю, – возразил Зарецкой, – чтобы Европа согласилась признать это древнее государство французской провинцией.

– Европа! – повторил с презрительной улыбкою француз. – А знаете ли, в каком тесном кругу заключается теперь ваша Европа?.. Это небольшое местечко недалеко от Парижа; его называют Сен-Клу¹².

– Как, сударь! И вы думаете, что все европейские государи...

– Да, мы, французы, привыкли звать их всех одним общим именем: Наполеон. Это гораздо короче.

Лицо Рославлева покрылось ярким румянцем; он хотел что-то сказать, но Зарецкой предупредил его.

– Итак, вы полагаете, – сказал он французу, – что воля Наполеона должна быть законом для всей Европы?

– Этот вопрос давно уже решен, – отвечал француз.

– Однако ж если вы считаете Англию в числе европейских государств, то кажется... но, впрочем, может быть, и англичане также бунтуют? Только, я думаю, вам трудно будет послать

¹¹ Герцог Артур Уэлсли Веллингтон (1769–1852) – английский полководец, командовавший в 1808–1813 гг. союзными войсками на Пиренейском полуострове против Наполеона. При поддержке испанских повстанцев его войска освободили город Бадахос.

¹² Сен-Клу – городок под Парижем; замок Сен-Клу, роскошно отделанный Наполеоном, служил ему резиденцией.

к ним экзекуцию: для этого нужен флот, а по милости бунтовщиков англичан у вас не осталось ни одной лодки.

– Англия! – вскричал француз. – Да что такое Англия? И можно ли назвать европейским государством этот ничтожный остров, населенный торгашами? Этот христианский Алжир, который скоро не будет иметь никакого сообщения с Европою. Нет, милостивый государь! Англия не в Европе: она в Азии; но и там владычество ее скоро прекратится. Индия ждет своего освободителя, и при первом появлении французских орлов на берегах Гангеса¹³ раздастся крик свободы на всем Индийском полуострове.

– Но Россия, – сказал Рославлев, – Россия, сударь?

– О! Россия, верно, не захочет ссориться с Наполеоном. Не трогая нимало вашей национальной гордости, можно сказать утвердительно, что всякая борьба России с Францией была бы совершенным безумием.

– В самом деле? – перервал Зарецкой. – Ну а если мы, на беду, сойдем с ума и вздумаем с вами поссориться?

– От всей души желаю, – сказал француз, – чтоб этого не было; но если, к несчастью, ваше правительство, ослепленное минутным фанатизмом некоторых беспокойных людей или обманутое происками британского кабинета, решится восстать против колосса Франции, то...

– Ну, сударь! Что ж тогда с нами будет? – спросил, улыбаясь, Зарецкой.

– Что будет? Забавный вопрос! Кажется, не нужно быть пророком, чтобы отгадать последствия этого необдуманного поступка. Я спрашиваю вас самих: что останется от России, если Польша, Швеция, Турция и Персия возьмут назад свои области, если все портовые города займутся нашими войсками, если...

– Вы забыли, – вскричал Рославлев, вскочив со своего места, – что в России останутся русские; что тридцать миллионов русского народа, говорящих одним языком, исповедующих одну веру, могут легко истребить многочисленные войска вашего Наполеона, составленные из всех народов Европы!

– Помилуйте! Да что такое народ? Глупая толпа, беззащитное стадо, которое, несмотря на свою многочисленность, не значит ничего в военном отношении; и боже вас сохрани от народной войны! Наполеон умеет быть великодушным победителем; но горе той земле, где народ мешается не в свое дело! Половина Испании покрыта пеплом; та же участь может постигнуть и ваше отечество. Солдат выполняет свою обязанность, когда дерется с неприятелем, но мирной гражданин должен оставаться дома. В противном случае он разбойник, бунтовщик и не заслуживает никакой пощады.

– Разбойник! – повторил Рославлев прерывающимся от нетерпения и досады голосом. – И вы смеете называть разбойником того, кто защищает своего государя, отечество, свою семью...

– Что ж вы горячитесь? – перервал француз. – Я не мешаю вам хвалить образ войны, приличный одним варварам и отвратительный для каждого просвещенного человека; но позвольте и мне также остаться при моем мнении. Я повторяю вам, что народная война не спасла б России, а ускорила б ее гибель. Мы, французы, любим пожить весело, сыплем деньгами, мы щедры, великодушны, и там, где нас принимают с ласкою, никто не пожалуется на бедность, но если мы вынуждены употреблять меры строгости, то целые государства исчезают при нашем появлении. Впрочем, все то, что мы говорили, одно только предположение, и хотя мнение мое основано на здравом смысле...

– И еще на кой-чем другом, – прибавил молчаливый офицер, подойдя к французу. – Позвольте спросить, – продолжал он спокойным голосом, – дорого ли вам платят за то, чтоб проповедовать везде безусловную покорность к вашему великому Наполеону?

¹³ Ганг – самая крупная река Индии. Завоевание Индии – неосуществленная мечта Наполеона.

– Что это значит? – спросил француз, вставая с своего стула.

– И надобно вам отдать справедливость, – продолжал офицер, – вы исполняете вашу не слишком завидную должность во всех рублевых трактирах с таким же похвальным усердием, с каким исполняют ее другие в гостиных комнатах хорошего общества.

– Государь мой! Я вас не понимаю.

– А кажется, очень понятно. Я вас давно уже знаю, вы мне надоели. Скажите, зачем у вас в петлице эта ленточка? Орден Почетного легиона прилично носить храбрым французским воинам, а вы...

Тут офицер сказал что-то на ухо француз.

– Как вы смеете? – вскричал он, отступив два шага назад.

– Извините! На нашем варварском языке этому ремеслу нет другого названия. Впрочем, господин... как бы сказать повежливее, господин агент, если вам это не нравится, то... не угодно ли сюда к сторонке: нам этак ловчее будет познакомиться.

– Да, сударь, я хочу, я требую!..

– Тише, не шумите, а не то я подумаю, что вы трус и хотите отделаться одним криком. Послушайте!..

Он взял за руку француз и, отойдя к окну, сказал ему вполголоса несколько слов. На лице офицера не заметно было ни малейшей перемены; можно было подумать, что он разговаривает с знакомым человеком о хорошей погоде или дожде. Но пылающие щеки защитника европейского образа войны, его беспокойный, хотя гордый и решительный вид – все доказывало, что дело идет о назначении места и времени для объяснения, в котором красноречивые фразы и логика ни к чему не служат.

– Вот как трудно быть уверену в будущем, – сказал Рославлев, выходя с своим приятелем из трактира. – Думал ли этот офицер, что он встретит в рублевой ресторации человека, с которым, может быть, завтра должен резаться.

– И полно, *mon cher*! Дело обойдется без кровопролития. Если бы каждая трактирная ссора кончалась поединком, то давно бы все рестораторы померли с голода. И кто дерется за политические мнения?

– Но если это мнение обижает целую нацию?

– Да разве нация человек? Разве ее можно обидеть? Французы и до сих пор не признают нас за европейцев и за нашу хлеб-соль величают варварами, а отечество наше, в котором соединены климаты всей Европы, называют землею белых медведей и, что всего досаднее, говорят и печатают, что наши дамы пьют водку и любят, чтобы мужья их били. Так что ж, сударь! Не прикажете ли за это вызывать на дуэль каждого парижского лоскутника, который из насущного хлеба пишет и печатает свои бредни? Да бог с ними, на здоровье! Пускай себе врут, что им угодно. Мы от их слов татарами не сделаемся: в Крыму не будет холодно; мужья не станут бить своих жен, и, верно, наши дамы, в угодность французским вояжерам¹⁴, не разрешат на водку, которую, впрочем, мы могли бы называть ликером, точно так же, как называется ресторацией харчевня, в которой мы обедали.

Походя несколько времени по опустевшему бульвару, наши молодые друзья расстались. Зарецкой обещал чем свет приехать проститься с Рославлевым, который спешил домой, чтоб отдохнуть и, переодевшись, отправиться на вечер к княгине Радугиной.

¹⁴ Путешественникам (*фр.*).

Глава III

В девятом часу вечера карета Рославлева остановилась в Большой Миллионной у подъезда дома, принадлежащего княгине Радугиной. Входя в переднюю, Рославлев, с приметным неудовольствием, заметил в числе слуг богато одетого егеря, который, развалившись на стуле, играл своей треугольной шляпою с зеленым султаном и поглядывал свысока на других лакеев, сидевших от него в почтенной дистанции и вполголоса разговаривавших меж собою. Пройдя приемную и две гостиные комнаты, он встречен был официантом, который, растворя дверь в роскошную диванную, доложил о нем громогласно хозяйке дома.

Родственница Рославлева, богатая вдова, княгиня Радугина, могла служить образцом хорошего тона (к счастью) тогдашнего времени. Она говорила по-русски дурно, по-французски прекрасно, умирала с тоски, живя в Петербурге, презирала все русское, жила два года в Париже, два месяца в Лозанне и третий уже год собиралась ехать в Италию. Окруженная иностранцами, она привыкла слышать, что Россия и Лапландия почти одно и то же; что отечество наше должно рабски подражать всему чужеземному и быть сколком с других наций, а особливо с французской, для того чтоб быть чем-нибудь; что нам не должно и нельзя мыслить своей головою, говорить своим языком, носить изделие своих фабрик, иметь свою словесность и жить по-своему. Бедная Радугина в простоте души своей была уверена, что высочайшая степень просвещения, до которой Россия могла достигнуть, состояла в совершенном отсутствии оригинальности, собственного характера и национальной физиономии; одним словом: заслужить название обезьян Европы – была, по мнению ее, одна возможная и достижимая цель для нас, несчастных северных варваров. Ее всегдашнее общество составлялось предпочтительно из чиновников французского посольства и из нескольких русских, молодых литераторов, которые вслух называли ее Коринною¹⁵, потому что она писала иногда французские стишки, а потихоньку смеялись над ней вместе с французами, которые, в свою очередь, насмехались и над ней, и над ними, и над всем, что казалось им забавным и смешным в этом доме, в котором, по словам их, каждый день разыгрывались презабавные пародии европейского просвещения.

Княгиня Радугина была некогда хороша собою; но беспрестанные праздники, балы, ночи, проведенные без сна, – словом, все, что сокращает век наших модных дам, не оставило на лице ее и признаков прежней красоты, несмотря на то, что некогда кричали о ней даже и в Москве:

...которая и в древни времена
Прелестными была обильна и славна.

Одни исполненные томности черные глаза ее напоминали еще об этом давно прошедшем времени и позволяли иногда молодым поэтам в миленьких французских стишках, по большей части выкраденных из конфектной лавки Молинари, сравнивать ее по уму с одною из муз, а по красоте – со всеми тремя грациями.

Комната, в которой Рославлев нашел хозяйку дома, освещалась несколькими восковыми свечами, поставленными в прозрачных фарфоровых вазах, и ярким огнем, пылающим в прекрасном мраморном камине. На круглом столе из карельской березы стоял серебряный чайный прибор; перед ним на диване, покрытом богатой турецкой материею, сидела княгиня Радугина, облокотясь на вышитую по канве подушку, украшенную изображением Азора, любимой ее моськи, которая, по своему отвратительному безобразию, могла назваться совершенством

¹⁵ Коринна – героиня романа французской писательницы Жермены де Сталь (1766–1817) «Коринна, или Италия» (1807). Имя Коринны, поэтессы и импровизатора, порою прилагалось (с оттенком преклонения или иронии) к пишущим дамам. Так называли, к примеру, княгиню Зинаиду Волконскую, которая славилась как певица и музыкантша, сочинительница пьес и стихов.

в своем роде. Возле окна, закинув назад голову, сидел на модной козетке¹⁶ один из домашних ее поэтов; глаза его, устремленные кверху, искали на расписном плафоне¹⁷ комнаты вдохновения и четвертой рифмы к экспромту, заготавливаемому на всякой случай. У камина какой-то худошавый французской путешественник поил с блюдечка простывшим чаем толстого Азора, а подле дивана один из главных чиновников французского дипломатического корпуса, развлясь в огромных волтеровских креслах, разговаривал с хозяйкою.

– А, здравствуйте, *mon cousin!*¹⁸ – сказала Радугина, разумеется по-французски, кивнув приветливо головою входящему Рославлеву. – Не хотите ли чаю?

– Нет, княгиня, я не пью чаю после обеда, – отвечал Рославлев, садясь на один из порожних стульев.

– Я вас целый век не видала. Уж не прощаться ли вы приехали со мною?

– Вы отгадали. Я завтра еду.

– За границу?

– Извините! В Москву, а потом в деревню.

– В деревню! Ах, как вы мне жалки!.. Азор! *Viens ici, mon ami!*¹⁹ Он вас беспокоит, *monsieur le comte?*²⁰

– О нет! Напротив, княгиня! – отвечал путешественник. – *Il est charmant!*²¹ Пей, мой друг, пей!

– Итак, вы едете завтра, *mon cousin*? Когда же вы воротитесь?

– Не знаю; но, верно, не прежде моей свадьбы.

– Ах, боже мой! Представьте себе, какая дистракция!²² Я совсем забыла, что вы помолвлены. Теперь понимаю: вы едете к вашей невесте. О, это другое дело! Вам будет весело и в Москве, и в деревне, и на краю света. *L'amour embellit tout*²³.

– Жаль только, – перервал путешественник, – что любовь не греет у вас в России: это было бы очень кстати. Скажите, княгиня, бывает ли у вас когда-нибудь тепло? Боже мой! – прибавил он, подвигаясь к камину. – В мае месяце! *Quel pays!*²⁴

– Что ж делать, граф! – сказала с глубоким вздохом хозяйка. – Никто не выбирает себе отечества!

– Да, сударыня! – подхватил дипломат. – Если б этот выбор зависел от нас, то, верно, в России было б еще просторнее; а во Франции так тесно, как в Большой парижской опере, когда давали в первый раз «Торжество Траяна»!²⁵

– И когда сам Траян присутствовал при своем торжестве, – прибавил путешественник.

– Скажите, *mon cousin*, – сказала Радугина, – ведь вы женитесь на Лидиной?

– Да, княгиня.

– На той самой, которая прошлого года была в Париже?

– То есть на ее дочери.

– Надеюсь, на старшей?

¹⁶ Небольшом диване для двух собеседников (*фр.*).

¹⁷ Потолке (от *фр.* *plafond*).

¹⁸ Мой кузен! (*фр.*)

¹⁹ Иди сюда, мой дружок!.. (*фр.*)

²⁰ господин граф? (*фр.*)

²¹ Он очарователен! (*фр.*)

²² Рассеянность! (от *фр.* *distraktion*).

²³ Любовь все украшает (*фр.*).

²⁴ Что за страна! (*фр.*)

²⁵ «Торжество Траяна» – опера Ж.-Ф. Лесюэра (1760–1837), поставленная в Париже в октябре 1807 г. в честь возвращения Наполеона из победного похода в Пруссию. Траян (53–117 гг.) – римский император; полководец. Под торжеством Траяна здесь подразумевалось торжество Наполеона.

– Да, княгиня, на старшей.

– Ее, кажется, зовут Полиною? *Charmante personne!*²⁶ О чем мы с вами говорили, барон? – продолжала Радугина. – Ах да!.. Знаете ли, *mon cousin!* Что вы очень кстати приехали? Мне нужна ваша помощь. Представьте себе! *Monsieur le baron*²⁷ – уверяет меня, что мы должны желать, чтоб Наполеон пришел к нам в Россию. Боже мой! Как это страшно! Скажите, неужели мы в самом деле должны желать этого?

Рославлев едва усидел на стуле.

– Как, сударыня! – вскричал он...

– Да, да! Он мне это почти доказал.

– *Pardon, princesse!*²⁸ – сказал хладнокровно дипломат. – Вы не совсем меня поняли. Я не говорю, что русские должны положительно желать прихода наших войск в их отечество; я объяснял только вам, что если силою обстоятельств Россия сделается поприщем новых побед нашего императора и русские будут иметь благоразумие удержаться от народной войны, то последствия этой кампании могут быть очень полезны и выгодны для вашей нации.

– Извините, барон, мое невежество, – сказал Рославлев, – я, право, не понимаю...

– Не понимаете? Так спросите об этом у голландцев, у всего Рейнского союза²⁹; поезжайте в Швейцарию, в Италию; взгляните на утесистые, непроходимые горы, некогда отчаяние несчастных путешественников, а теперь прорезанные широкими дорогами, по которым вы можете, княгиня, прогуливаться в своем ландо³⁰ спокойнее, чем по Невскому проспекту; спросите в Террачине и Неаполе: куда девались бесчисленные шайки бандитов, от которых не было проезда в Южной Италии; сравните нынешнее просвещение Европы с прежними предрассудками и невежеством и после этого не понимайте, если хотите, какие бесчисленные выгоды влечет за собою присутствие этого гения, колоссального, как мир, и неизбежного, как судьба.

– Прекрасное сравнение! – воскликнул молодой поэт. – Какое у вас цветущее воображение, барон!

– Неизбежный, как судьба!.. – повторила почти набожным голосом хозяйка дома, подняв к небесам свои томные глаза. – Ах, как должен быть величествен вид вашего Наполеона!.. Мне кажется, я его вижу перед собою!.. Какой *грандиозо*³¹ должен быть в этом орлином взгляде, в этом...

– Не глядите так высоко, княгиня! – перервал с принужденною улыбкою Рославлев. – Наполеон невысокого роста.

– Да, ростом он меньше вашего великого Петра, – сказал насмешливо путешественник.

– И ростом и душою! – возразил Рославлев, устремив пылающий взор на француза, который почти до половины уже влез в камин. – Если вы, граф, читали когда-нибудь историю...

– *Fi, fi!* *Mon cousin!*³² – вскричала Радугина. – Вы горячитесь. Разве нельзя спорить и рассуждать хладнокровно?

– Вы, правы, княгиня, – сказал Рославлев, стараясь удержаться. – Граф не может понимать всю великость гения, преобразователя России – он не русской; так же как я, не будучи французом, никак не могу постигнуть, каким образом просвещение преподается помощью штыков и пушек. Нет, господин барон! Если мы и нуждаемся в профессорах, то, вероятно, не в тех, которых все достоинства состоят в личной храбрости, а познания – в умение скоро

²⁶ Прелестное создание!.. (*фр.*)

²⁷ Господин барон (*фр.*).

²⁸ Извините, княгиня! (*фр.*)

²⁹ Рейнский союз (1806–1813) – объединение ряда германских государств (Бавария, Лихтенштейн, Вюртемберг, Баден и др.) под протекторатом Наполеона; эти государства вступили в военный союз с Францией, становясь фактически ее вассалами.

³⁰ Четырехместной карете (*фр.*).

³¹ Величие (*ит.*).

³² Фи, фи, кузен! (*фр.*)

заряжать ружье и метко попадать в цель. Позвольте вам напомнить, что в этом отношении Россия не имеет причины никому завидовать и легко может доказать это на самом деле – даже и победителям полувселенной.

Дипломат улыбнулся и, не говоря ни слова, вынул из кармана брауншвейгскую бумажную табакерку с прекрасным пейзажем. Попотчевав табаком Рославлева, он сказал:

– Посмотрите, как хорошо делают нынче эти безделки. Какой правильный рисунок!.. Это вид Аустерлица³³.

– Да, – отвечал спокойно Рославлев, – я видел почти такую же табакерку; не помню хорошо, кажется, с видом Прейсиш-Ейлау или Нови³⁴. Она еще лучше этой.

Господин барон смутился и, помолчав несколько времени, сказал:

– Как жаль, что под Нови ваш Суворов дрался не с Наполеоном. Это был бы один из лучших листков в лавровом венке нашего императора.

– Да, если б французы не были разбиты.

– Но неужели вы думаете, что это могло случиться, когда бы нашим войском командовал сам Наполеон?

– Извините! Я не думаю, а уверен в этом.

– *Vienheureux seux qui croient*³⁵, – пробормотал путешественник, подкладывая дров в потухающий камин.

Поэт улыбнулся, а хозяйка с сожалением посмотрела на Рославлева.

– Но мы отбились от нашей материи, – продолжал дипломат. – Вам кажется странным просвещение, распространяемое помощью оружия; согласитесь, по крайней мере, что порядок, устройство и общепользные работы, которые гигантским своим объемом напоминают почти баснословные дела древних римлян, должны быть необходимым следствием твердой воли, неразлучной с силою. Для приведения в действие высоких предначертаний, коих польза постигается только впоследствии, нужно всемогущество, которым обладает Наполеон; необходимы его бесчисленные войска... И если Россия желает подвинуться вперед...

– И, господин барон! – перервал с улыбкою Рославлев. – Что вам за радость просвещать насильно нацию, которая одна, по своей силе и самобытности может сделаться со временем счастливой соперницею Франции. Предоставьте это времени и собственному ее желанию – сравниться в просвещении с остальной частию Европы. Россия и без вашей насильственной помощи идет скорыми шагами к этой высокой цели всех народов. Поглядите вокруг себя! Скажите, произвели ли ваши предки в течение многих веков то, что создано у нас в одно столетие? Не походит ли на быструю перемену декораций вашей парижской оперы это появление великолепного Петербурга среди непроходимых болот и безлюдных пустынь севера?

– Да неужели вы думаете, сударь, что ваш Петербург может назваться европейским городом? И, полноте!.. В нем все начато и ничто не кончено. Ваши широкие улицы походят на площади; ваши площади – на какие-то незастроенные пустопорожние места; ваши длинные, невысокие дома – на фабрики... Набережные у вас недурны; но чем можно назвать эти расписные деревянные мостики? Есть ли в Петербурге хоть одна порядочная церковь? Что такое ваша Казанская? Огромная куча материалов, под которую зарыты некоторые опрятно отделанные части, не выкупающие нимало всю нестройность и безобразие целого. О, будьте спокойны, господа русские! Если французы придут в Петербург, то, верно, не позавидуют вашему Казанскому собору, а увезут, может быть, с собой его гранитные колонны.

³³ Аустерлиц – деревня в Моравии (Чехословакия). Под Аустерлицем союзные русские и австрийские войска в декабре 1805 г., проиграли сражение Наполеону.

³⁴ Под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. произошло кровопролитное сражение между русской и французской армиями, в котором Наполеон не сумел одержать победу. Нови – город в Северной Италии, где в августе 1799 г. русско-австрийская армия под командованием Суворова разгромила армию французов.

³⁵ Блаженны верующие (*фр.*).

– Бога ради, барон! – сказала хозяйка. – Не говорите этого при родственнике моем князе Радугине. Он без памяти от этой церкви, и знаете ли почему? Потому что в построении ее участвовали одни русские художники.

– О, это очень заметно! – подхватил путешественник.

– Князь Радугин! – повторил с приметной досадою дипломат. – Как жаль, княгиня, что вы родня этому фанатику, этому необразованному камчадалу, этому...

– Ах! Что вы, *monsieur le baron*! Конечно, я не спорю – он моряк, его формы несколько странны, тон очень дурен, а бешеной патриотизм отменно смешон; но, несмотря на это, он, право, добрый и честной человек.

– Согласен, княгиня! Я не понимаю только, чего смотрит ваше правительство? Человек, который может заразить многих своим безумным и вредным фанатизмом, который не скрывает даже своей ненависти к французам, может ли быть терпим в русской столице?

– А в какой же, сударь? – спросил насмешливо Рославлев. – Уж не в французской ли?

– Нигде, сударь! Нигде! Такие опасные люди не должны быть терпимы во всей Европе. Пусть они едут в Англию или Восточную Индию; пусть проповедывают там возмутительные свои правила; по крайней мере, до тех пор, пока на берегах Темзы не развеваются еще знамена Франции.

– Не скоро же они уймутся говорить, – сказал Рославлев.

– Вы думаете? Нет, сударь, скоро наступит последний час владычеству этих морских разбойников; принятая всей Европою континентальная система³⁶ не выполнялась до сих пор в России с той непреклонной настойчивостию, какую требуют пользы Франции и ваши собственные. Но теперь, когда вашему двору известна решительная воля императора, когда никакие дипломатические увертки не могут иметь места, когда нет середины и русские должны вступить в бой столь неравный или повиноваться...

– Повиноваться? – повторил Рославлев. – Вы забыли, сударь, что мы повинемся только законному государю нашему, а русской царь – одному Богу и своей совести! Послушайте, барон! Вы, кажется, довольно и даже слишком откровенно говорили с русским дворянином; позвольте же и мне в мою очередь быть также откровенным. Скажите, для чего эти беспрестанные угрозы? Этот невыносимый, повелительный тон? Эта уверенность, с которой вы говорите о будущих победах ваших? Или вы не чувствуете, что, унижая все прочие нации, вы делаете вашу ненавистною для всех? Торжествуйте дома ваши победы, наслаждайтесь плодами их, будьте сильнейшей нацией в Европе, но бога ради! Не душите всех вашей славой. Оскорбляя беспрестанно самолюбие других народов, вы заставите наконец их очнуться от их непонятного и позорного сна. К чему все то, что вы говорили о России? Если вы думаете застрашать нас, то очень ошибаетесь, господин барон! Чувство, которое с некоторого времени сделалось общим в России, – нет, сударь!.. Это чувство не походит на страх. Мы некогда любили вас, как друзей; теперь начинаем ненавидеть, как злейших неприятелей. Поверьте, на обширных полях наших, усеянных костями литовцев и татар, найдется еще довольно места и для новых незваных гостей!.. Извините, барон! Так думаю я, – так думают все русские!

– Вы очень красноречиво защищаете вашу национальную славу, – сказал с улыбкою дипломат. – Жаль только, что вы ошибаетесь в одном: выключая некоторых заносчивых патриотов, все русские любят нас точно так же, как любили прежде. Не спорю, может быть, правительство ваше... но народ, а особливо дворяне... О! В них мы совершенно уверены. Не правда ли? Вы по-прежнему предпочитаете наш язык вашему собственному, перенимаете все наши обычаи, одеваетесь по-нашему; словом, стараетесь во всем походить на нас. Признайтесь, что это презабавные доказательства национальной ненависти. Нет, сударь! Добрые рус-

³⁶ Континентальная блокада, запрещающая торговые отношения с Великобританией, была навязана Наполеоном России в 1807 г. Ее целью было защитить французскую экономику от торговой конкуренции с более развитой Великобританией.

ские, несмотря ни на какие политические отношения, останутся всегда друзьями французов. Почтение, которое они показывают к нашему дипломатическому корпусу, их уважение даже к одному имени Франции, любовь к писателям нашим – все доказывает эту неоспоримую истину...

– Князь Дмитрий Павлович Радугин! – сказал вошедший слуга.

– Мой зять! – вскричала хозяйка.

– Не принимайте этого готтентота, – шепнул дипломат. – Ах, боже мой! – продолжал он, отодвигая свои кресла от дивана. – Какая тоска! Вот он!

Двери настежь растворились, и мужчина высокого роста, лет пятидесяти, в морском вицмундире и с Георгиевским крестом в петлице, вошел в комнату.

– Здравствуй, сестра! – сказал он. – Здорово, Рославлев! *Bonjour, messieurs!*³⁷

– Здравствуйте, князь! – проговорила тихим голосом и по-русски хозяйка дома. – Я сегодня очень нездорова, ужасно болит голова; и если вы, по вашему обыкновению, станете кричать...

– Не беспокойся! – перервал князь Радугин, садясь на диван. – Я заехал к тебе на минуту, рассказать одну презабавную историю и очень рад, что застал у тебя этих господ. Так и быть!.. Дурно ли, хорошо ли, а расскажу этот анекдот по-французски: пускай и они посмеются вместе со мною... *Ecoutez, messieurs!*³⁸ – примолвил Радугин по-французски. – Хотите ли, я вам расскажу презабавную новость?

– Мы вас слушаем, князь! – отвечал с вежливой улыбкою дипломат.

Вояжер перестал также раздувать огонь в камине и придвинулся к дивану.

– Вот, господа! С час тому назад, – продолжал князь Радугин, – в Большой Морской повстречались две кареты, в одной из них сидел ваш посланник, а в другой какой-то гвардейской прапорщик, разумеется малой молодой. По неосторожности кучеров колесо одной кареты зацепилось за колесо другой, к счастью, оба кучера успели остановить лошадей. Вот его превосходительство обиделся, зашумел, закричал, офицер стал извиняться, но посланник не хотел слышать никаких извинений и поднял такой шум, как будто б дело шло о чести всей Франции. Между тем кругом карет столпились сотни две зевак. Лакеи сустились вокруг экипажей; но, несмотря на помощь проходящих, не могли никак их расцепить. Офицер высунулся в окно и, продолжая извиняться, сказал его превосходительству, что должно непременно подвинуть назад его карету. «Французы никогда не двигаются назад!» – отвечал гордо посланник. «И русские также!» – возразил офицер. – Пошел!» Кучер ударил по лошадям, они рванулись... крак! – у посланника одного колеса как не бывало. Офицерская карета помчалась вдоль улицы, и весь народ закричал: «Славно! Ай да молодец!»

– *Quelle horreur!*³⁹ – вскричала Радугина.

– *Quelle audace!*⁴⁰ – воскликнул дипломат.

– *Ça n'a pas de nom!*⁴¹ – прибавил путешественник.

Глаза Рославлева заблистали удовольствием, а бедной поэт испугался, побледнел и, казалось, готов был закричать: «Ей-богу! Я незнаком с этим офицером!»

– А что всего любопытнее, – продолжал Радугин, – так это то, что, по рассказам, громче всех кричали: «Ай да молодец! Спасибо ему!» – как вы думаете, кто? Мужики? Нет, сударь! Порядочные и очень порядочные люди!

– Быть не может! – сказал дипломат. – Такая дерзость!..

³⁷ Здравствуйте, господа! (фр.)

³⁸ Послушайте, господа! (фр.)

³⁹ Какой ужас! (фр.)

⁴⁰ Какая дерзость! (фр.)

⁴¹ Этому нет названия! (фр.)

– Дерзость или нет, этого мы не знаем; дело только в том, что карета, я думаю, лежит и теперь еще на боку!

– Но не ушибся ли господин посланник? – спросил торопливо путешественник.

– Нет, граф! Говорят, что он поизмял только свою прическу à la Titus⁴² и разбил себе нос.

– Поедьте скорей узнать, справедливо ли это? – сказал путешественнику испуганный дипломат. – О, если это правда, то должно примерно наказать, надобно потребовать une réparation éclatante!⁴³ Честь Франции... честь нашего императора!.. Едемте, граф! Едемте!

– Как вы думаете, – спросила хозяйка на русском языке князя Радугина, – не послать ли и мне? Не ехать ли самой?..

– А что ты думаешь, сестра? Конечно! Ты молодая вдова, русская барыня, он француз, любезен, человек не старый; в самом деле, это очень будет прилично. Ступай, матушка, ступай!..

– Но точно ли это правда?

– Дай-то, господи! Молебн бы отслужил.

– От кого вы слышали?

– Вот то-то и беда! Мне рассказывал об этом один всесветный лгун. Да Бог милостив, быть может, на этот раз он сказал и правду.

Французы, спеша узнать о здоровье своего посла, откланялись хозяйке. Рославлев воспользовался этим случаем, чтоб распрощаться также с своей кузиною; обнял дружески князя Радугина и отправился домой.

⁴² Прическа римского императора Тита Флавия Веспасиана (39–81 гг.): завитые и зачесанные на лоб волосы. В стиле Титуса (*фр.*).

⁴³ Примерного удовлетворения! (*фр.*)

Глава IV

Вдали, сквозь утренний туман, сверкали верхи позлащенных спицов Адмиралтейства и высокой колокольни Петропавловского собора; но солнце еще не показалось из-за частой сосновой рощи, и густая тень лежала на кровле двухэтажного дома старинной архитектуры, в котором помещался трактир, известный под названием «Руки» или «Средней рогатки». Все было тихо на большой Московской дороге, скучной и единообразной в сравнении с другими окрестностями Петербурга. Вдруг послышался вдали звонкой валдайской колокольчик; он умолкал на минуту и раздавался опять: то тише, то громче; частил, перебивал, заливался и снова переставал звенеть. Вдоль дороги от Петербурга, расстилая направо и налево густые облака пыли, неслась на лихой шестерке почтовых открытая коляска, за которою едва успевали скакать дрожки, запряженные щегольской парой разношерстных лошадей. Коляска остановилась у дверей трактира; из нее выпрыгнул Рославлев в дорожном платье и фуражке, а вслед за ним стал вылезать, зевая и потягиваясь, Зарецкой, закутанный в гороховую шинель с пятью или шестью воротниками. Слуга побежал будить трактирщика, а наши приятели сели на скамью, подле дверей.

– Ну, mon cher! – сказал Зарецкой. – Теперь, надеюсь, ты не можешь усомниться в моей дружбе. Я лег спать во втором часу и встал в четвертом для того, чтоб проводить тебя до «Средней рогатки», до которой мы, я думаю, часа два ехали. С чего взяли, что этот скверный трактир на восьмой версте от Петербурга? Уж я дремал, дремал! Ну, право, мы верст двадцать отъехали. Ах, батюшки! Как я исковеркан!

– Скажи, пожалуйста, Александр, – спросил Рославлев, – давно ли ты сделался такой неженкой? Когда мы служили с тобой вместе, ты не знал устал и готов был по целым суткам не сходить с коня.

– Тогда я носил мундир, mon cher! А теперь во фраке хочу посибаритничать. Однако ж знаешь ли, мой друг? Хотя я не очень скучаю теперешним моим положением, а все-таки мне было веселее, когда я служил. Почему знать? Может быть, скоро понадобятся офицеры; стоит нам поссориться с французами... Признаюсь, люблю я этот милый веселый народ; что и говорить, славная нация! А как подумаешь, так надобно с ними порезаться: зазнались разбойники! Послушай, Вольдемар: если у нас будет война, я пойду опять в гусары.

– И я также, – сказал Рославлев.

– Давай руку! Что в самом деле! Служить, так служить вместе, а когда кампания кончится и мы опять поладим с французами, так знаешь ли что?.. Качнем в Париж! То-то бы пожили и повеселились! Эх, милый! Что ни говори, а ведь у нас, право, скучно!

– Я этого не вижу.

– Да полно, mon cher! Что за патриотизм, когда дело идет о веселье? Я не менее твоего люблю наше отечество и готов за него драться до последней капли крови, а если заберет зевота, так прошу не погневаться, не останусь ни в Москве, ни в Петербурге, а махну прямехонько в Париж, и даже с условием: не просыпаться ни раза дорогою, а особенно, проезжая через ученую Германию.

– Нет, мой друг! Если ты узнаешь скуку, то не расстанешься с нею и в Париже. Когда мы кружимся в вечном чаду, живем без всякой цели; когда чувствуем в душе нашей какую-то несносную пустоту...

– Ах, виноват, мой друг! Я ведь и забыл, что душа твоя полна любви; а в той стране, где живет наша любезная, разумеется, круглый год цветут розы и воздух дышит ароматом. Но, кстати, я и не подумал, как же ты сдержишь свое слово и пойдешь опять в гусары? Если ты успеешь обвенчаться, так жена за тебя уцепится; если будешь женихом, то сам не захочешь покинуть своей невесты. Вот я – так вольный казак: что хочу, то и делаю. У меня точно так же, как у тебя, нет ни отца, ни матери; старая моя тетушка, верно, не будет меня удерживать.

Правда, у меня есть и кузины, в пятом или шестом колене; но клянусь тебе честью, я люблю их всех, как родных сестер, – так они больно плакать обо мне не станут. Однако ж послушай, Вольдемар: если уж мы об этом заговорили, так Расскажи-ка мне: как ты влюбился и что такое эта проклятая любовь, от которой умные люди сходят с ума, а дураки иногда становятся умнее?

– Ты знаешь, Александр, что я все прошлое лето жил в деревне, верстах в пятидесяти от Москвы. Около середины лета приехала в мое соседство богатая вдова Лидина, с двумя дочерьми; она только что воротилась из Парижа и должна была, для приведения в порядок дел своих, прожить несколько лет в деревне. Я был уже давно знаком с городничим нашего уездного города, майором Ильменевым. Как образчик некоторых закоренелых невежд прошедшего поколения, этот Ильменев мог бы занять не последнее место в комедии «Недоросль», если б в числе первых комических лиц этой пьесы были люди добрые, честные и забавные только своим невежеством. Он познакомил меня с родным братом Лидиной, Николаем Степановичем Ижорским, также изрядным чудаком, который на другой же день отрекомендовал меня своей сестре. Ты можешь себе представить, как я обрадовался, найдя в моих соседках милых, любезных и просвещенных женщин.

– Да, мой друг, в провинции ты мог себя поздравить с этой находкою.

– Маменька имеет свою смешную сторону, но дочери...

– Что и говорить – прелесть, совершенство!.. А которое из этих двух совершенств свело тебя с ума?

– Оленька, меньшая сестра, понравилась мне с первого раза более старшей сестры своей, Полины.

– С первого раза? Следовательно, ты влюблен в старшую? Да что ж тебе сначала в ней понравилось? Что, она блондинка или брюнетка?

– У обеих сестер голубые глаза; они обе прекрасны и даже очень походят друг на друга; но, несмотря на это... право, не знаю, как тебе объяснить различие, перед которым исчезает совершенно это наружное сходство. Оленька добра, простодушна, приветлива, почти всегда весела; стыдлива и скромна, как застенчивое дитя; а рассудительна и благоразумна, как опытная женщина; но при всех этих достоинствах никакой поэт не назвал бы ее существом небесным; она просто – прелестный *земной* цветок, украшение *здесь* мира. Но сестра ее... ах! Какое неземное чувство горит в ее вечно томных, унылых взорах; все, что сближает землю с небесами, все высокое, прекрасное доступно до этой чистой, пламенной души! Оленька, с согласия своей матери, выйдет замуж, сделается доброй, нежной матерью; но никогда не будет уметь любить, как Полина! В несколько дней нашего знакомства я стал почти домашним человеком у Лидиной. Оленька перестала меня дичиться; не прошло двух недель, и она бегала уже со мной по саду, гуляла по полям, по роще; одним словом, обращалась, как с родным братом. С детской откровенностью милого ребенка она высказывала мне все, что приходило ей в голову, и часто удивляла меня своим незатейливым, но ясным и верным понятием о свете. С Полиною я не скоро познакомился. Сначала мне казалось даже, что она убегает всех случаев быть вместе со мною; наконец мало-помалу мы сблизились, и только тогда, когда я узнал всю красоту души этого воплощенного ангела, я понял причину ее задумчивости и всегдашнего уныния. Да, мой друг! Полина слишком совершенна для *здесь* мира! Ее живое, цветущее воображение облакает все в какую-то неземную одежду. Однажды я читал обеим сестрам только что вышедший роман: «Матильда, или Крестовые походы». Когда мы дошли до того места, где враг всех христиан, враг отечества Матильды, неверный мусульманин Малек-Адель умирает на руках ее, – добрая Оленька, обливаясь слезами, сказала: «Бедняжка! Зачем она полюбила этого турка! Ведь он не мог быть ее мужем!» Но Полина не плакала, – нет, на лице ее сияла радость! Казалось, она завидовала жребии Матильды⁴⁴

⁴⁴ Матильда – героиня одноименного романа Коттен. История трагической любви мусульманского полководца Малек-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.